Союз фотохудожников Чувашии
Чуваший государственный художественный музей

Выставка Команды Р

Чебоксары как феномен фотографичес кого бытия

● *Паркет*

Уже длительное время (точка отсчета- на ходится в далеком 1978г.) сущест вующее фотографическое бытие в Чебоксарах, в материализации которого уже мало кто сомневается, привносит все новые компоненты в полипространство и характеризуется полным технологическим циклом:

- получение фотографического образования через кружки, фотостудии или академию фотоискусства;
- культивирование своего фотографического имиджа через художественную практику;
- совершение культурных фотообменов;
- популяризация фотографии, выливающаяся прежде всего в многочисленные выставки;
- издательская деятельность, известная как выпуск фотографического вестника "Ретикуляция";
- фототехнические разработки, реализованные на поприще проблем импульсного света.

Образовавшееся полипространство позволяет говорить о Чебоксарах как о некоем явлении и создает предпосылки к возникновению проекта "ЧЕБОКСАРЫ - как феномен фотографического бытия". Реализация этого проекта видится в серии выставок, демонстрирующих диапазон возможностей фотографического листа, публикации материалов о творчестве фотографов.

"Фотографическая выставка команды Р" является первой выставкой проекта и представляет творчество чебоксарских фотографов периода затишья (1991... 1994 гг.). Общий фон последних лет сделал показы фотографий в Чебоксарах явлением более редким, чем широко нашумевшие фотографические события второй половины 80-х годов. Внешне период 1991... 1994 гг. выглядел как полоса тишины и безмолвия. И когда прозвучала реплика "Мы шли и остановились...", - то фотографическая среда в этом увидела лишь подтверждение своих ощущений о якобы имеющем место летаргическом сне. Автор реплики, однако, вложил в свои слова иное значение: каждый временной промежуток, неся в себе общее - 1 сек., 1 час, 1 год, имеет свои особенности и прелести. Состояние остановки и молчаливого созерцания много предпочтительнее -позволяет фотографу неторопливо проникать в многомерность выбранного им предметного мира. Противоречивость прозвучавшей реплики требовала разрешения в форме фотографической выставки.

Любая выставка стремится продемонстрировать какой-либо прогресс в чем-то. Настоящая экспозиция не пытается опровергнуть это стремление, но и не ставит прогресс в вершину пирамиды; а, скорее всего, рассматривает поступательное движение как один из кирпичиков, из которого сложена пирамида.

Понятие прогресса, более осязаемое в технике, в искусстве становится расплывчатым и непонятным. Известно, что каждый художник создает свой неповторимый и неоднозначный мир, и попытка произвести операцию взвешивания приводит если не к полному фиаско, то, по крайней мере, к стремлению положить луч света в карман. И все же понятие прогресса не будем для себя вычеркивать. Прогресс в искусстве идентифицируется не в выборе предметного мира или его толкования, а лишь в формировании материала и технологии на этапе материализации субъективности автора.

Каждый фотограф проходит путь становления себя как художника: вначале наблюдается одинаковый интерес ко всему окружающему миру, а затем взгляд локализуется на небольшом клочке земли, и это свое поле перепахивается вдоль, поперек и в глубину. На этом пути произрастает один очень важный критерий оценки наработанного - последовательность автора в разработке своего поля. Только последовательность - шаг за шагом - может привести автора к ощущению многомерности разрабатываемого пространства и изобразительной вариационности. И только последовательность приводит автора к ощущению свободного полета и осознанию красоты -бесконечности непознанного.

Основная миссия "Фотографической выставки команды Р" окажется невыполненной, если каждый из авторов не произведет самоидентификацию своего творчества в рамках представленной палитры художественных миров и их изобразительных версий для того, чтобы обозначить свой последующий шаг и попытаться его реализовать.

Возможно, тогда прозвучит следующая реплика: "Мы стояли и пошли...", которая одновременно будет обозначать и процесс вечного движения, и нашу последовательность, и демонстрацию многообразия изобразительных форм, исходящую от плоскости фотографического листа.

Юрий ЕВЛАМПЬЕВ,
куратор проекта.

Слово, обращенное к участникам фотографической выставки Команды Р

Ю.Евлампьев. Песчаный грунт (10 листов), лист 9. 1992. Черно-белая фотография. 18 х 24 см.

Ю.Евлампьев. Увиденное (12 листов), лист 5. 1993. Черно-белая фотография. 18 х 24 см.

Ю.Евлампьев. Увиденное (12 листов), лист 4. 1993. Черно-белая фотография. 18 х 24 см.

Работа выставки:

с 30 марта по 30 апреля 1995 г.
с 10.00 до 18.00.
Выходной - понедельник.
г.Чебоксары, ул. Калинина, 60

Спонсор по рекламе выставки Команды Р — "Вечерняя газета"

Участники выставки:

Владислав Агеев
Андрей Добрынкин
Михаил Ладейщиков
Борис Михайлов
Дмитрий Репин
Андрей Чумаков
Михаил Костарев
Александр Семенов
Валерий Багильдинский
Юрий Евлампьев
Евгений Лихошерст
Римма Назарова
Александр Черезов
Сергей Шкурло
Татьяна Чернова
Владислав Штыбо

● *Книга отзывов*

Все "дежа вю"?

"Латынь из моды вышла ныне..." - сообщал Пушкин. И вместо "проект" писал "замысел".

Латынь опять вошла в моду. Потому что "менталитет" - это не только "душа", а "саммит" -не только "собрание". Понятие "замысла" артачится и не включает в себя этого замысла обязательного воплощения, конкретного дела. "Замысел" - лишь точка отсчета, а дальнейшая бесконечная даль остается по отношению к нему если не совсем равнодушной, то, по крайней мере, совсем не обязательной. "Проект" - совсем другое дело. Сегодня это не чертеж, не схема, не план побега. Это идея, процесс осуществления, не ограниченный во времени и плод любви вместе взятые. Столько сегодня втиснуто в это латинское projectus, что дословно означает - брошенный вперед. В русских сказках - волшебный клубочек, указывающий направление.

"Вперед бросил" Юрий Евлампьев. Он не только куратор (лат. - попечитель), но и автор проекта "Чебоксары как феномен фотографического бытия". Так как подобный замысел неисчерпаем, пока существует объект, то и процесс может быть теоретически бесконечным. И по-русски и по-латыни говоря, проект - грандиозен. Поэтому предполагает годы и годы и трагического, и счастливого путешествия "и в глушь, и в небеса родимой стороны".

Сиротливо стоящие у стен работы под ногами бегающих по залам авторов, озабоченный нехваткой стекла и веревок перед открытием экспозиции, и так, и на полу демонстрировали, негордые, что "феномен", растворенный в воздухе любого пространства, эта золотая пыльца бытия, фотохудожниками воплощен, даже не в пример живописцам, пугающе пронзительно и глубоко.

Пугающе - потому, что самым интересным и естественным в этом собрании глядит гиперреализм, а это направление, в кино им, например, заняты Герман, Сокуров, всегда несет в себе трагическое мироощущение, правда, с сильным оттенком презрения к мазохизму. Пронзительно и глубоко - тоже поэтому.

Конечно, в этом "горизонтальном срезе времен затишья" есть и другие составляющие, но, видимо, все-таки - не они суть несущие колонны заявленного Феномена при всем своем праве все же этим составляющим оставаться.

Романтические портреты, пробы "акта", манерность постановочных композиций - во всем этом еще слишком мало индивидуального и много чисто формальных исканий.Эксперименты же таких мастеров, как Ладейщиков или Костарев, несут в себе некую сверхразумность, эстетику "физиков", холодную отстраненность "от паров земли и неба". Но это-то как раз дает Феномену необходимую соль "всеобщего" авангарда.

Фотография - это давно не фиксация действительности, а сотворение иной. Платоновское "в овраге воздух сгущался в тьму" можно как раз и примерить на это сотворение, которое тоже где-то "сгущение воздуха", только чаще - из тьмы, "наружу вон!"

Гиперреализм первый этим сгущением и знаменит. И в буквальном переводе являясь близнецом "звездному", блистательному "сору", первый настолько далек от эффектов,подсознательных излияний, бесконтрольности и прочей канонады, что давно числится полной противоположностью родственнику. Сгущение реальности до НЕреальности без каких бы то ни было привнесенных элементов, декораций, доведения до абсурда, это, скорее, взгляд печального мудрого ангела, чем черта, забавляющегося в его роли. В этом пронзительная простота гиперреализма и его трагическая таинственность.

Вот как в пейзажах Евгения Лихошерста. "Слова умолкли в отдаленье, вослед за звуком умер звук". От этой тишины, словно от покинутости, ноет сердце. Мы так живем хрупко. Строим какие-то хрупкие дома на снегу. Дышим на руки, ветки. Но это отчетливая, "наведенная на резкость", режущая глаз хрупкость являет устойчивость, неколебимость. Нам никуда не уйти от этих отношений с пространством, которое то свободно от нас, то подчинено нам, от этих "брачных" уз, которые по Розанову есть самая аристократичная форма жизни. И вот так это сказано одними пейзажами, пустынными, но чуящими человеческое дыхание где-то за спиной...

Таинственность — особое качество российской фотографии. Это заметно после просмотров французов, итальянцев или американцев, которые пытаются активно общаться во что бы то ни стало, при любых фотографических обстоятельствах, посредством "акта", натюрморта, даже пейзажа. У российской натуры, и у самой прекрасной в особенности, "замкнуты уста", как у заветного ларца. А то, что воспринимается в молчании -тайна. Это доказывал Люк Бенуа в своем "Эзотеризме". Будь это то, о чем запрещено говорить, а если не запрещено, значит то, о чем говорить трудно. Иногда невозможно.

Про "Чебоксары как феномен" замечательно много можно усмотреть у Валерия Багильдинского, человека уже далеко не юного, добившегося скромными средствами каких-то "космических" результатов, то есть рассказывающего и про Землю как феномен, например, фотографического бытия, потому что его "выхваты" из мрака тихой ночи в деревне оставляют странное ощущение, что ты ничего на Земле не видел.

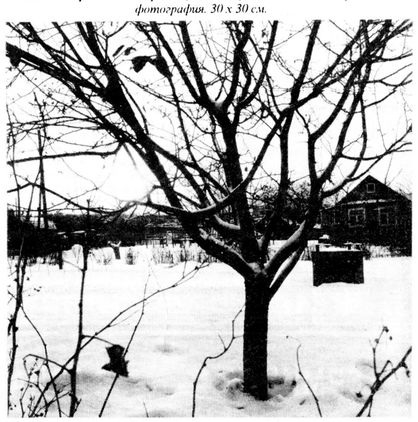
Хотя "дежа вю" тоже гиперреализму присуще, и это сильная сторона Юрия Евлампьева. Его мальчик на зимней дороге, как повторяющийся пророческий сон, пространство меняется, а мальчик - нет. Люди в некоей мизансценической последовательности, остановившиеся для разгадки некоей ситуации... Есть в этой летаргии, предутреннем сне свое начало мира, где еще не народилось броуновское движение и все размеренно до желаемой скорости сердца.

У Татьяны Черновой, напротив, концентрируется, сгущается порыв, резкость, невысказанное слово, "сгоревшие в молчаньи".

Когда американская фотографическая знаменитость доказывает с телеэкрана, что нет вещей, о которых невозможно было бы сказать, я чувствую за этим хорошую работу платного психолога. Когда в фильме Тарковского "Ностальгия" герой Янковский плачет, что о любви говорить невозможно, я вижу - любовь. Дежа вю. Постоянно.

Р.КИРИЛЛОВА.

Е.Лихошерст. Чебоксары 94 (83 листа), лист 33. 1994. Черно-белая фотография. 30 х 30 см.



Е.Лихошерст. Чебоксары 94 (83 листа), лист 11. 1994. Черно-белая фотография. 30 х30 см.

Е.Лихошерст. Чебоксары 94 (83 листа), лист 56. 1994. Черно-белая фотография. 30 х 30 см.